

ПРИЗНАНИЕ

Мне не снился и не снится
Свет реклам, дворцов колонны.
Лесостепью окрыленный,
Не мечтал я жить в столице.
Мне приятней обнаженность
Низких крыш провинциальных,
И над ними устремленность
Тополей пирамидальных.
Глушь, беседка в винограде —
Вот мечты моей обитель.
Вот чем вызвал смех у дяди.
Он Москвы ревнивый житель,
Излагал мне план свой дерзкий,
Убеждал при нем остаться.
Но не мог мой почерк сельский
В городской квартал вписаться...

ХУТОРОК

Властью обманутый, богом забытый.
Что с тобой стало, степной хуторок?
Двери распахнуты, стекла разбиты.
Сник под дождями, озяб и продрог.
Центр, а в нем оступись — и окраина.
Где хуторян узнавалось лицо,
Ветер гуляет. Здесь он за хозяина.
Скрипнет калитка, качнется крыльцо.
Жди — не дождешься ни детского крика,
Ни бригадира в рассветном окне.
Некому больше мечтать о великом.
Незачем думать о завтрашнем дне.

Нет больше сельского слоя — прослойка.
Те, у руля, в повороте крутом
Вдруг развернули в стране перестройку.
Сменят другие — продолжат погром.
Выделят долю в развалинах бани.
В прибыль — тепло от порушенных стен.
...Выпьет сивухи, закурит Мишаня.
Он — ветеран всех былых перемен.

ГРИБНОЕ МЕСТО

Вот уж здесь грибнику-то забава.
И ведро наготове. Но стоп!
Под ногой не простая канава,
А по виду надежный окоп.
Не случайно здесь целы маслята —
Их отвал прикрывает собой.
Видно, жизнь сохранил он когда-то
Не одну в полосе фронтовой.
А что битва тут шла, над обрывом,
Есть свидетель — земли косогор.
Разворочен он силою взрыва
И глядит исподлобья в упор.
Ствол и ветви сосны однобокой
Искривились и так полегли,
Словно в ней перемешаны с соком
Наша боль и страданье земли.
Кто-то выстоял здесь, чтоб за Доном
Гнать фашиста и бить до конца.
...Тех грибов я, конечно, не тронул.
В них я в каждом увидел бойца.

УТРО НА РЕКЕ

Ночная снята с берега охрана.
В лесном крыле означилась река.
И гладь воды под толщею тумана
Скорей потрогать тянется рука.

Здесь нет пока ничьих грехов свершенных.
Еще в затоне чавкает сазан —
Рыбак, в его повадках искушенный,
В густой траве затих, как партизан.

Прибрежный куст на пальчиках коротких
Повис в речной туманной бороде...
Случайный стук весла по борту лодки —
И рыба мелочь прыснула в воде.

Движеньем дня встревожена сорока.
След на траве — осыпана роса.
И рыжий хвост в расщелине далекой —
То солнца луч, а вовсе не лиса.

ДЕНЬ СЕЛА КРАСНОФЛОТСКОЕ

Без сожаленья брошены дела.
Толпятся люди. Музыка и пляски.
На клубной сцене праздник — День села.
Объявлен хор. В нарядах стиль и краски.
В «talанты» гнет приезжий бард-солист,
Да зря успехом гости разогреты.
В селе, где каждый третий — гармонист,
Всегда свои отыщутся поэты.
Они не все бежали в города.
Кто кинул край, тому найдется смена:
Танцует школа, номер — хоть куда!
И про гармонь споет завклубом Лена.
Вы приезжайте, гости, на денек.
Да заночуйте средь полей неброских.
Вас опьянит поэзии глоток,
Настоянный на зорях краснофлотских.

* * *

День добрый, речка-говорущка!
Как будто кто-то ночь не спал,
Все гнал волну шершавой стружкой,
И гладил, и полировал.
А солнце в радужной обновке
Резвится возле поплавка:
Роняет луч в кругах поклевки,
Сверкая, слепит рыбака.
Прибрежных трав узорны тени.
Вода прозрачней, чем роса.
И смотрит сквозь нее ручейник,
Как глазки строит стрекоза.
А синь чиста до изумленья!
А день с румянцем на щеках!
Еще б такое воскресенье
Да журавля держать в руках,
И так идти, прижав покрепче
(Удачу кто посадит в клеть?)...
И Дон желанной гостье шепчет:
«День добрый, дочка Осередь».

* * *

Годы, годы — все на снижке,
Как грибы, висят.
Тот из детства — самый близкий.
Этот — шестьдесят.
Жил порядочно, без срама,
Правдой той, что есть.
Почитал отца и маму,
Родину и честь.
Если шел не в цель, а мимо,
В чем-то был неправ,
Кто-то строгий и незримый
Дергал за рукав.
Мне ли, Ангел мой хранитель,
Большого желать?
Ты для груза выбрал нити
Прочные, под стать...
Всякий год хранил
И честно,
Бережно вел счет.
И на нити этой место,
Верю, есть еще.